

ЦИКЛ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

ЕВГЕНИЙ БОЧКАРЕВ

БЕЛАЯ
КНИГА

Евгений Бочкарев

Белая книга

<https://litres.ru/74283022>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая страница забытых строчек истории перевернута. Разлетающиеся пылинки прошлого начинают все больше проникать в настоящее, поднимая новые вопросы и давая продолжение старым даже спустя века. Истинный маг Жизни вновь вернулся в мир, но каков его дальнейший путь? Как простое желание жить может повлиять на тайно захвативших трон Синих магов, жаждущих величия в холодных подземельях Белых магов, на стремящихся к свободе учеников древнего и, конечно же, на весь мир?

Ответы на эти вопросы важны, но в первую очередь достаточно ответить только на один. Что именно кружит в воздухе: пыль или пепел?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Осязаемые трудности и ускользающий оттенок	22
Гл	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Евгений Бочкарев

Белая книга

Пролог

Книга. Белая книга. Книга именно такого цвета лежала в лучах солнечного света перед девочкой. Ее маленькая ладошка аккуратно гладила рельефную обложку, но движения эти были неосознанные. Рассеянный взгляд с оттенком печали был направлен перед собой. Лицо сосредоточенное. Большую светлую комнату, в которой она в последнее время проводила много времени, наполнял еле уловимый аромат ягод с медовой ноткой. Запах приятный и ненавязчивый. Легкий ветерок доносил его от посаженных в саду кустов крыжовника и заполнял им все помещение. Девочка грустила.

Звуки оживленного города, доносящиеся из открытого окна, не беспокоили ее. Она их даже не замечала. Неожиданно особо громкий голос снаружи разорвал однотонное жужжание суеты, и напряженная ладошка замерла буквально в дюйме от книги, но спустя пару мгновений расслабилась и продолжила свои повторяющиеся движения. Задержка была неосознательная. Отреагировал не разум, а тело. Ничто не могло отвлечь девочку от ее грустных мыслей. Она так и продолжала сидеть неподвижно. Только ладошка все поднима-

лась над шершавой обложкой книги – лишь для того, чтобы потом опуститься и коснуться ее снова подушечками пальцев. Раз за разом. В определенный момент глаза наполнились слезами.

Именно в этот момент громко щелкнула поворачивающаяся ручка двери, заставив девочку вздрогнуть. Она резко повернула голову на звук. Во влажных глазах проскочили искорки надежды, которые сразу же потухли, стоило увидеть вошедшую. Женщину преклонного возраста в белом чепчике и такого же цвета переднике. Гувернантка. Няня. Ее добрые глаза успели заметить то оживление, которое проскочило во взгляде воспитанницы. Она грустно вздохнула.

– Дорогая... – Женщина замялась и сглотнула вставший в горле ком. – Отец просил позвать вас.

Девочка замерла после этих слов, которым пришлось продираться сквозь мрачные мысли, но, когда смысл сказанного стал ясен, воспитанница резвой ланью вскочила со своего места и стремглав пронеслась мимо женщины в сторону отцовского кабинета.

Няне ничего не осталось, как еще раз тяжело вдохнуть легкий запах ягод и поспешить вслед за удаляющимся топотом.

Дом был большой. Длинные коридоры, большие залы, прекрасные полотна на стенах, дорогие на вид безделушки, расставленные по разным углам. Все пространство дышало достатком. Светлые оттенки внутреннего убранства, от теп-

лого кремового до глубокого миндального, придавали помещениям уют. Всю эту прекрасную картину нарушало лишь одно. Напряженная тишина, витавшая в воздухе.

Быстрый и громкий бег девочки рассекал густую атмосферу, царившую в коридорах, но стремительная вспышка проносилась дальше, и тяжелый воздух медленно смыкал свои объятия у нее за спиной. Бег. Быстрый. Комнаты проносились мимо нее. Она их не замечала. Встречный воздух высушил увлажнившиеся было глаза, перед которыми стояло только одно. Кабинет отца. Скорее.

Мужчина хмуро разбирал очередные требовавшие его внимания документы, которые по утрам ему приносили помощники, когда дверь комнаты резко распахнулась и в нее влетел маленький вихрь. Стремительно, но аккуратно проскочив все преграды на своем пути в виде кресла, стульев и небольшого столика, заваленного бумагами, вихрь мягко столкнулся с неподвижным утесом.

Мужчина слабо улыбнулся от такого напора своей дочери. Как и в каждый предыдущий день на протяжении двух последних декад. Ему нравилось чувствовать искреннюю любовь и привязанность девочки, но вот причина этого ярко выраженного поведения... Причина не нравилась. Аккуратно отстранив дочь, громко сопевшую ему в ухо, он посмотрел на нее. Раскрасневшееся от быстрого бега лицо, блестящие подвижные глаза – живое воплощение невинного дет-

ства. Жаль, что после того, как она успокоится, лицо приобретет бледноватый оттенок, а глаза потускнеют.

– Ты опять носишься сломя голову? – сдвинув брови, с легкой строгостью в голосе произнес мужчина.

– Да, – ничуть не стесняясь, пискнула девочка и, отстранившись, отбежала к большому креслу неподалеку. Бодро запрыгнув на него, посмотрела на отца. – Ну что, мы идем? Уже можно? – быстро протараторила она.

– Солнце... – замялся мужчина. Отказывать дочери он не любил, тем более это было сложно сделать именно сейчас. – Я еще работаю. Поэтому хотел предложить пойти после обеда.

Он назвал ее «солнцем». И сейчас это солнце начало меркнуть, прятаться под надвигающимися тучами. Печаль озарила юное личико.

– Но, папа... – жалобно начала девочка. И замолчала. Она не знала, что сказать.

Мужчина смотрел на грустное лицо дочери, постукивая нераспечатанным письмом по торцу стола. На что он, собственно, рассчитывал? Ясно же, как это для нее важно. Да, чего греха таить, и для него самого. Просто за последнее время эти ежедневные походы превратились в... обыденность. Звучит странно и страшно, но человек ко всему привыкает. К тому же у взрослых всегда находятся важные дела, которые отвлекают и требуют их внимания. Мужчина поймал себя на всех этих мыслях.

«Черствость. Как у сухаря, – проскочило у него в голове – И когда успел стать таким?...»

Приняв решение, он не глядя кинул так и не распечатанное письмо на стол к остальным бумагам и встал.

– Конечно, дорогая. Не будем ждать. Прямо сейчас и пойдем.

Лицо девочки озарила счастливая улыбка, и она быстро соскочила на пол. Ее эмоции сменялись молнией, еще не скованные никакими нормами поведения в обществе и тяготами прожитых лет. Чистый лист.

– Только идем спокойно. Не бежим, – строго добавил отец. Весь эффект от его тона портила ласковая улыбка.

Девочка быстро закивала.

Звуки города обрушились на них со всех сторон, немного оглушая, стоило только выйти на улицу. Несмотря на то, что их дом находился в самом центре города и окна в летнюю жару всегда были открыты, этот гул не достигал их ушей в полной мере. Большой участок, засаженный деревьями и другой растительностью, позволял немного заглушать шум улицы.

Шли молча, оба погруженные в свои мысли. Несмотря на свое положение в обществе, которое в какой-то степени их даже обязывало передвигаться в экипаже, как и в предыдущие дни, мужчина решил пройтись. Ясная, светлая погода. Самый безопасный район. Здание Ордена магов, располагавшееся на соседней улице. Да и просто необходимость про-

ветрить голову и собрать мысли в порядок. Все эти причины перевешивали неписаное правило высшей знати. К тому же идти было недалеко.

Передвигались по самой середине улице. Плотность людского потока это позволяла, да и шедшие навстречу пропускали их. Этому способствовали как дорогого покроя одежда, так и уверенная походка мужчины. При дворце его очень хорошо знали, однако город в последнее время разросся до громадных размеров, и уже давно прошли те времена, когда знатного человека знал каждый встречный.

Отец крепко держал дочь за руку. Еще не хватало, чтобы девочка на эмоциях вырвалась и побежала, желая быстрее добраться до пункта их назначения. Он чувствовал это желание.

Город жил своей жизнью. Дышал собственным воздухом. Стоило только покинуть свое обиталище, как личные дела и проблемы каждого становились его детищем. Ты становился его частью. И наоборот. Он твоей. Разговор двух прохожих мог натолкнуть на решение собственных задач. Открыть глаза на новые возможности. Ворчание покупателя на завышенные цены у продавца неожиданно могло повлиять на его расположение. Каждый влиял на каждого. Поступок одного влиял на другого. Человек уже не принадлежал себе. Он был маленькой частью огромного организма.

Сегодня это правило в меньшей степени касалось членов семьи, покинувших свою спокойную обитель. По остаточно-

му принципу они обращали свое внимание на звуки и запахи, но вот раньше... Немногим раньше просто своим нахождением вне дома их линия судьбы тесно переплеталась с биением сердца города. В первую очередь, конечно, благодаря девочке. Любопытной. Энергичной. Шустрой.

Как только они преодолели очередной небольшой магазинчик и повернули за угол, их глазам открылась цель путешествия. Строгое белое трехэтажное здание, вокруг которого образовалось пустое пространство, избавленное от снующих по своим делам жителей города. Биение жизни вокруг этого места как будто ослабевало, но в действительности это было не так. Наоборот. Маги Жизни, постоянно посещающие это строение, делали его более живым местом, чем какое-либо другое. Безусловно, в башне Ордена их было куда больше, но и магов Смерти там было тоже в достаточном количестве, что уравнивало баланс. А тут не так. В основном здесь бывали именно маги Жизни, воплощающие в реальность название своего направления магии. Это была лечебница для тяжелобольных.

Мужчина, не сбавляя шаг, направился к входу. Теперь уже он был ведущим в дуэте с дочерью. Девочка немного сбавила темп, испытывая легкую тревогу перед грядущим. Тревогу, но и желание. В данный момент попасть туда было для нее жизненной потребностью, которую не могло перевесить ни одно другое чувство. Маленькое сердце забилося чаще.

Попав внутрь, они могли наблюдать тот же белоснежный

цвет, что и снаружи. Пол, стены, ступени – все было из белых мраморных плит. В таком количестве это выглядело безвкусицей и даже могло вызвать некое отторжение, но ситуацию спасали легкие трещинки на облицовке: песочного цвета на стенах, серебристого – на полу. Оставалось только поражаться тонкому чутью скульптора, который одним мельчайшим штрихом смог придать чистой пустоте чувство комфорта и легкой наполненности.

Первый этаж представлял собой одно большое помещение с мягкими диванами. Заняты были лишь несколько из них, на которых, видимо, расположились юные адепты, негромко перешептывающиеся друг с другом. Только эти представители Ордена магов ходили в мантиях различных кричащих оттенков, будь то ярко-багряный или воздушно-голубой. Юности не важно, к какой касте ты принадлежишь, она сможет найти способы самовыражения в любых доступных средствах. А вот старшие маги себе уже такого не позволяли. Почему? Дело было в возрасте или необходимой солидности? Кто же знает, кроме них самих. В дела Ордена непосвященному лучше не лезть. Больше в помещении никого не было. Неудивительно. Это была самая дорогая лечебница в городе. Сколько брали за свои услуги представители Ордена, лучше было не знать. А уж если помощь оказывали сами магистры... Мужчина знал. И когда пришлось платить, выложил монеты не задумываясь.

Для мыслей, проскочившим в голове мужчины, пока он

подходил к стойке со служащей, сейчас было не самое уместное время. Его встретила миловидная рыжая девушка с натянутой дежурной улыбкой. Несмотря на то, что эта улыбка не выражала истинных чувств работницы, все равно складывалось впечатление, что она встретила хорошего друга. Вполне натурально. За ее спиной находилось несколько закрытых дверей. Статус заведения обязывал иметь комнаты для частных бесед с родственниками больных.

Служащая приветливо кивнула девочке и перевела взгляд на мужчину.

— Добрый день. Главный лекарь вас ждет. Он знал, что вы придете к этому времени.

Мужчина кивнул и направился в сторону лестницы. Девочка семенила рядом. Удивления от того, что их ждут, не было. Они всегда приходили сюда в одно и то же время. Последние две декады по ним можно было сверять часы. И благодаря дочери сегодня эта традиция не нарушилась. Поднявшись на второй этаж, они попали в длинный коридор, вдоль которого находились двери. Палаты больных. Им нужна та, что в конце коридора, рядом с которой как раз стоял щуплый мужичок, прижимающий к груди небольшую кипу бумаг. Лицо его было хмурым. Подойдя к нему, отец бросил взгляд на дочь, которая уже выжидающе смотрела на него. Ободряюще кивнул, что никак не вязалось с выражением его лица, и молча повернул ручку двери.

Небольшую светлую комнату, погруженную в легкий су-

мрак, от прямых солнечных лучей прятало высокое густое дерево за окном. Листва на ветках, отбрасывающая подрагивающие от легкого ветерка тени на стены, придавала комнате загадочную атмосферу. В нос ударил запах свежей травы после дождя. Все вместе создавало чувство нереальности. Миража. Как будто это место застыло между реальностью и небытием. Между явью и сном. Жизнью и смертью. Так и было.

Единственным предметом обстановки была кровать у окна. На ней лежала женщина. В ее внешности до сих пор угадывались очертания былой красоты, которая сейчас подернулась дымкой забвения. Черты лица заострились. Статность сменилась худобой. Бледная синева пришла на смену сочному румянцу. Когда-то яркие, золотистого цвета волосы опали ломкой соломой. Твердый уверенный ритм сердца замедлился до слабой пульсации. Только слегка подрагивающие пальцы и быстрые движения глаз под закрытыми веками говорили о том, что это живой человек.

– Мама! – крикнула девочка, выдергивая руку из ладони отца. Подбежала к кровати и бережно обхватила своими ладошками руку матери. Пальцы женщины перестали трястись. Зрачки прекратили свой стремительный бег. Больная замерла.

Девочка во все глаза вглядывалась в изможденное лицо. Пыталась в бледных бескровных чертах найти тот пышущий жизнью родной образ, который с самого рождения был ря-

дом с ней. Старалась почувствовать в холодной руке то тепло, что всегда оберегало и приносило спокойствие. Не находила. Не видела. Но там, где было бессильно зрение, помогало сердце. Оно все видело. Все чувствовало. Все знало. Рядом была она – мама.

Глаза девочки заблестели. Не понимая, в силу своего юного возраста, чем может помочь, но испытывая всем своим существом в этом потребность, она аккуратно забралась на краешек кровати и тихонечко легла рядом, прижавшись к матери своим горячим боком. По щекам текли беззвучные слезы.

Мужчина продолжал стоять у входа. Острая боль в сердце от вида жены и страданий ребенка не давали покоя. Его отвлекло тихое покашливание.

– Она пока без изменений, – решился нарушить тишину голос сбоку.

– Объясните мне, почему? – хрипло выдавил из себя мужчина. Его взор не мог оторваться от семьи.

– Я... затрудняюсь ответить, – замялся голос – Ни магия, ни алхимия не способны помочь. Наши специалисты разводят руками...

– А что Орден? – перебил мужчина.

– Магистр, занимающийся здоровьем вашей жены, также пока не в состоянии что-либо сделать, – грустно произнес главный врач, раздосадованный, что подопечное ему заведение оказалось не в состоянии помочь.

– Как такое возможно? Разве магия не всесильна?

– Видимо, нет, – неуверенно откликнулся собеседник и после заминки добавил: – Особенно когда больная не желает выздоровления.

– Что, простите? – Мужчина резко повернулся и в первый раз за беседу посмотрел в лицо лекарю.

– Это не мои слова, – быстро поправился тот. – Таково заключение Ордена. Женщина просто не хочет жить.

– Не понимаю...

Разговор долетал до девочки обрывками фраз. Сквозь туман грусти, страдания и любви просачивались лишь отдельные высказывания. Она не слушала, но слышала. *«Разве магия не всесильна?»* – отпечаталась фраза у нее в голове. Спустя какое-то время прием закончился. Мужчине с дочерью пришлось покинуть палату, чтобы не мешать лечению. Попыткам лечения. Уже на выходе девочка, боявшаяся расставаться с матерью, обернулась и увидела прежний цветущий образ. Такой же, как раньше, только подернутый легкой дымкой. Спустя мгновение наваждение рассеялось. Как и в предыдущие разы. Она покинула помещение.

Посещения продолжались. Каждый вечер девочка ждала наступления нового дня, чтобы пойти с отцом в лечебницу и провести немного времени с мамой. Пусть даже в таком состоянии. Каждый день маленькая надежда на выздоровление не оправдывала себя. Состояние женщины не менялось.

Застыло в пограничном положении. Она была не здесь, но еще и не там. Так прошла еще одна декада. Потом женщина ушла. Оставила дорогого мужа и любимую дочь в этом мире, сама же выбрала другой.

В тот день очередного посещения ничего не предвещало изменений. Такое же утро. Тот же маленький вихрь, ворвавшийся в кабинет. Тот же пеший маршрут до лечебницы. Тот же белый коридор. А потом... Потом все по-другому. Девочка присутствовала при этих переменах. Медленно бьющееся сердце остановило свое движение в тот самый момент, когда маленькие горячие ладошки сжимали холодную руку. День, который начался как обычный, стал другим. Жизнь стала другой.

Обратно мужчина нес дочь на руках. Горе, впившееся в ее душу, пустило корни и в тело. Неокрепший разум еще не в состоянии был до конца понять произошедшее, но точно чувствовал, что случилось что-то непоправимое. Сознание застыло. Не было истерик и слез. Они придут позже. Поэтому девочка просто замерла на руках отца, уткнувшись в его теплое плечо.

Уже дома эмоции начали поднимать свои головы. Все выше и выше. Затапливая неокрепший разум неконтролируемой лавиной. Понимание произошедших перемен начало просачиваться в сознание. Девочка не умела еще справляться с бушующим ураганом в душе, который, нарастая с каждым мгновением, начал выплескиваться наружу. Она зары-

дала. Закричала. Начала биться в руках у отца. Вырвавшись из удерживающих ее объятий, она бросилась в сторону кустарников крыжовника. Не бежать куда-то конкретно. От кого-то. Просто бежать. Отдать частичку боли наружу, вовне. Девочка вся исцарапалась об острые иголки. Обожглась об острые листья крапивы. Правда, ничего этого она не почувствовала. Ее душила горечь утраты.

Маленькая ладошка аккуратно гладила белую шероховатую книгу. Было светло. Пахло ягодами. Ветер кружил звуки, доносящиеся со всех сторон: голоса людей с улицы, чьи-то шаги в коридоре, шелест листьев с деревьев, трели птичек за окном.

Девочка так же, как и раньше, сидела в своей комнате. Но теперь ловила каждый звук, доносящийся до нее. Пыталась раствориться во всем, что ее окружает, и отгородиться от тревожных мыслей о всплеске боли, перенесенной совсем недавно. Не получалось. Мысли возвращались к маме. Перед глазами постоянно всплывал наполненный жизнью силуэт родного и любимого человека. И от этого начинало тянуть где-то внутри. Чаша весов душевного равновесия постоянно находилась в движении, пока в итоге не начала склоняться в сторону пустоты, которая олицетворяла собой утрату.

Звуки постепенно отошли на второй план. Приятный запах перестал щекотать ноздри. Девочка медленно погружалась в воспоминания, в образ мамы. Это была интуитивная

попытка найти облегчение не в принятии, а в отрицании.

Повторяющиеся движения рукой. Вниз. Касание книги. Вверх. Вся окружающая действительность растворилась, и сознание целиком погрузилось в мамин образ.

Маленькая ладошка. Движение. Касание. Холодная тоска начала переплетаться с теплым счастьем, путая настоящее с вымышленным.

Вверх. Пусто. Вниз. Прикосновение. Густой туман, накрывший собой окружающее. Покалывание в подушечках пальцев.

Завершающий штрих. Последняя капля. Рука замерла на белой обложке. Внутренняя опустошенность приобрела наполнение, и вместе с этим туман перед глазами, точно открывающийся занавес, рассеялся и явил вместо себя четкий облик прекрасной женщины.

Дверь в комнату с силой распахнулась, и в помещение ворвался бледный отец девочки. Он резко остановился, словно влетел в стену. Страх за ребенка, поселившийся в сердце какое-то время назад, заставил его бросить все дела и сломя голову бежать к ней. Видимо, не зря. Тяжелое дыхание застряло в груди от хлынувшего в легкие неожиданно холодно-го воздуха и от увиденного. Девочка сидела за своим столом, а перед ней стояла его жена. Бледная, словно призрак. Она и была призраком. Точнее, душой, призванной с той стороны.

Дочь повернула свое лицо к отцу, и его смятение усилилось. На белоснежных волосах девочки он заметил не ожи-

данную иссиня-черную прядь. На него смотрели глаза, наполненные пляской белого пламени.

– Мэри... – пробормотал мужчина.

– Мама вернулась! – радостно закричала девочка.

Мягкая улыбка женщины вторила словам дочери.

Никс вынырнул из воспоминания и открыл глаза. Он сидел на границе между зеленой травой и началом песочного пляжа, а перед ним расстиралось бескрайнее море. Глубоко вдохнул свежий соленый воздух. Медленно выдохнул. Как же он по нему скучал. Еще при прошлой жизни, если можно так выразиться, ему часто недоставало этого символа свободы, а что уж говорить про последние века бесплотного состояния...

Никс громко дышал полной грудью. Закатное солнце, планирующее в ближайшее время спрятаться за горизонтом, стало окрашивать морскую гладь в красноватые оттенки. Красиво. Открывающийся вид и воздух, недоступные долгое время в своей первозданности, опьяняли. Могли опьянять. Древний маг не привык поддаваться эмоциям, поэтому просто наслаждался.

Мужчина перевел взгляд на небольшую статуэтку, стоявшую перед ним по другую сторону границы пляжа. Вокруг нее искрилось множество маленьких песчинок. Мэри. Он внимательно всматривался в такие знакомые черты. В них угадывалось лицо маленькой девочки из его воспоминания,

когда у нее еще были белые волосы. Точнее, из ее воспоминания. Давным-давно она показала ему тот случай из своего детства, когда смогла впервые прикоснуться к дару. Смогла почувствовать магию. Стоит ли говорить, насколько личным было поделиться этим отголоском прошлого с другим. По Мэри он тоже скучал.

В последнее время Никс часто неосознанно возвращался в этот эпизод. Он был важен для него. Как память о ней. Как важность того доверия, которое было оказано ему. Как то мгновение, определившее ее дальнейший жизненный путь, который привел ее к нему. Древний не врал Фрею, когда говорил про Мэри. Она действительно была магом Смерти, больше всего на свете ценившим жизнь. И все благодаря тому случаю в детстве. Благодаря случайно оброненной фразе отца: *«Разве магия не всесильна?»* Благодаря потере матери и обретению магии. По иронии судьбы, темной.

И эту двойственность мужчина чувствовал в статуэтке. Какая-то ее частичка была там. Но насколько большая? Оставшийся слепок души мага Смерти зависел от желания самого мага. И насколько он знал своих коллег по цеху, было вполне вероятно оставить только ее часть. Но вот Мэри... Она была другая, и ее последнего решения он не знал.

– Как бы там ни было, я сделаю все возможное, чтобы вернуть тебя в мир живых, – вслух произнес Никс.

Набегающие волны утвердительно плескались у берега.

В правильности этого желания не было никаких сомне-

ний. Во-первых, зачем ему второй шанс без дорогого сердцу друга. А во-вторых... Что во-вторых, он не помнил. Давно забытое ощущение, от которого маг Жизни совсем отвык. Полный доступ к памяти был у него всегда с момента первого прикосновения к дару. Однако слово «забыл» в данный момент было не совсем уместно. Не в его случае. Часть воспоминаний оказалась просто заблокирована. Но почему? И как их открыть?

Никс взял фигурку и поднялся с земли. Устремил свой взор на почти закатившееся солнце, запоминая его во всех подробностях. Он чувствовал, что ответы на эти вопросы сможет дать Мэри. Так же, как и на еще один. Последний. Почему это препятствие в своем сознании поставил он сам?

Глава 1. Осязаемые трудности и ускользающий оттенок

Альваро Блаас выглянул из кареты. Спереди – белые гривы лошадей. От их дыхания по обе стороны клубился пар. Вдалеке за крышами домов уже виднелись шпили дворца, а сзади закрывались створки городских ворот.

Утренняя прохлада освежила голову, но не улучшила настроение. Он сделал глубокий вдох. Проблемы. Всюду какие-то проблемы. Неудовлетворенность тем, как идут дела, уже продолжительное время подтачивающая его спокойствие, словно небольшая речушка –прибрежные камни, начинала вырываться наружу. Длинное путешествие, которое он был вынужден совершить, только усиливало негативные эмоции. Чертова карета. Как же он не любил такой способ передвижения. Чувствуешь себя, словно жук в коробочке.

Синий маг сидел на роскошном сидении из красного бархата. Золотой императорский герб смотрел на него с противоположного дивана. Быстрое движение по брусчатке улицы даже не чувствовалось, настолько мягким оно было. Как-никак, личный экипаж императора, но Блааса все это не радовало. Он медленно и глубоко вдыхал прохладный воздух. Затем закрыл глаза – нужно было привести мысли в порядок перед встречей.

Что он имеет на сегодняшний день? Проблемы он имеет на сегодняшний день! Во-первых, Валхейм...

Как и договаривались, Блаас воспользовался приглашением госпожи Андешон и навестил ее на следующий день после Совета двух кланов. Госпожа Андешон. Да, именно так ее называли в светском обществе, и это действительно была ее настоящая фамилия. Однако среди магов к ней обращались только по имени, как она того и хотела, – Полинария.

Это было две декады назад.

Мужчину провели в гостиную, где Полинария уже ждала его. На ней было красивое черное платье с газовым белым подолом. Слишком простое на первый взгляд, но, судя по характерным переливам и сиянию ткани, из шелка. Редкая и ценная ткань. А зная хозяйку дома – самая редкая и самая ценная. Можно было предположить и не ошибиться, что это мальбери. Лучший сорт шелка. Он делался из коконов шелкопрядов на специальных фермах, где за ними ухаживали, как за самим императором. Даже питание у них было исключительное – отборные листья тутовых деревьев. Очень и очень ценный материал. Видимая простота платья оборачивалась тонким чувством вкуса и изящества. Не то чтобы Блаас в этом сильно разбирался, однако в последнее время пришлось, скажем так, приобщиться. Его круг общения на сегодняшний день обязывал такие вещи знать. Да и дочь графини Винской что-то про это рассказывала.

Плечи Полинарии были обнажены и ослепляли белизной. Солнечный свет из окна, рядом с которым она стояла вполоборота, играл на ее любимых серебряных украшениях. В задумчивости она слегка покачивала бокал с белым вином.

– Прекрасное платье, госпожа Андешон, – сказал, давая о себе знать, остановившийся на пороге мужчина. Этикет никто не отменял.

Женщина, не поворачивая головы, стрельнула на посетителя глазами.

– Издеваешься, Альваро? – с легким недовольством спросила Полинария.

– Извини, дорогая, но теперь к тебе обращаются именно так, – спокойно парировал Блаас, направившись к хозяйке дома. По пути он подхватил со стола из белого дерева запотевший бокал с вином, который предусмотрительно наполнили буквально перед его приходом.

– Теперь ко мне обращаются именно так. Остальные. Не ты, – мягко, но твердо ответила женщина. На собеседника она больше не смотрела.

– Как скажешь. Совсем забыл, что тебе не по душе обращение по фамилии.

Мужчина приблизился к хозяйке дома и остановился рядом. Нос защекотал приятный запах восточных специй и свежести.

– Не забыл. Я тебя знаю, Альваро. Как обычно, проверяешь границу дозволенного.

Блаас почувствовал ментальный толчок. Легкий. Показательный. Сродни демонстративному хлопку по плечу за неудачную шутку. Только в голове. Полиария показала, что не потерпит никакой, даже видимой, официальности между ними.

Женщина перевела взгляд на подошедшего гостя. Нахмурилась. Поставив бокал на подоконник, потянулась к нему своими тонкими, изящными пальцами и принялась поправлять неопрятно уложенный воротник рубашки.

Маленькая птичка вспорхнула на ближайшую к открытому окну веточку и защebetала одной ей понятные песенки.

– Мило, – сказал Блаас. – Спасибо.

Женщина хмыкнула. Взяла бокал и направилась к центру комнаты. Неспешный стук каблуков по древесине. Аккуратное покачивание воздушного подола платья.

– Итак. Валхейм, – напомнил мужчина о цели их встречи.

– Сразу к делу? Так резко? Гинс на тебя плохо влияет, – усмехнулась женщина.

Синий маг ничего не ответил. Молчание. Только звуки с улицы и медленное постукивание каблуков.

– Судя по твоему молчанию, еще не так сильно. – Очередная усмешка. – Давай чуть позже. Сначала то, что вчера нельзя было озвучивать. Опять пропал ученик нашего клана.

– Плохо. Кто бы за этим ни стоял, это значит, что он продолжает, а с прошлого раза, если не ошибаюсь, прошел где-то год. Видимо, нам просто дали передышку.

– Видимо, – подтвердила женщина. – И мы ей не воспользовались. Этот неизвестный очень осторожен. Скоро уже не получится скрывать масштаб проблемы. Белые?

– Сомневаюсь. Императору также сообщают об исчезновениях обычных жителей. Случаев немного, но достаточно, чтобы тайная канцелярия обратила на это внимание. Зачем они Белым? Синих они на дух не переносят, тут как-то еще можно объяснить.

Полиария задумалась. Ее гость воспользовался заминкой и пригубил из бокала. Кто бы сомневался. Высокая кислотность, фрукты и... что-то еще.

– Сама в это не верю, но, допустим, постоянный поток душ для их опытов? – предположила женщина.

– Не вижу смысла. С учетом нашего общего активного вмешательства в дела империи, недостатка в подопытных у них быть не должно. Белые тоже участвуют в вылазках с гвардейцами, и там добыть что нужно намного проще.

– Согласна, но можно иметь в виду как одну из рабочих версий, – сказала Полиария, продолжая ходить по комнате с бокалом в руках. – Если исключить из уравнения наших людей, то версий может быть множество и все они решаемые, а так...

– А так – только Белые, – подхватил Блаас. – Но, как и в прошлые наши беседы, мне кажется, это не они. Гинс, конечно, тот еще отморозок, но что-то тут не вяжется. Будем надеяться, что тайная канцелярия сможет отыскать зацепки

– возможностей у них явно побольше, чем у нас было раньше.

Мужчина сделал глоток. Фрукты и... Никак не удавалось поймать еле уловимый оттенок чего-то еще.

– Кстати, о Гинсе. Что думаешь про тихоню Элис? – Женщина резко сменила тему разговора.

Блаас наморщил лоб, пытаясь понять, о ком речь.

– А, ты про ученицу Белого, – наконец вспомнил мужчина. – С виду обычная девчонка. Что с ней не так?

– Смотри.

Полиария приоткрыла створку в свое сознание и показала то, что ощущала вчера на Совете. Глаза Блааса затуманились. Он разбирался в том потоке информации, которым с ним делились. Было непросто. Хозяйка дома была мастером узкого профиля – контроля эмоций. Она чувствовала их, как никто другой. И по ним могла прочитать человека как открытую книгу. С магами, конечно, все было не так просто. Перед глазами Синего проносились события вчерашней встречи. Только чужими глазами. Он ощущал отголоски чужих эмоций, которые просачивались сквозь выставленные блоки. И у малышки Элис, как у самой неопытной, они были четче всего. Беспокойство. Волнение. С этим все понятно. Молодая девчонка неуютно себя чувствовала в кругу магистров. Гордость за наставника и влечение к нему. Тут тоже ясно. Проскакивало что-то еще, но что именно, у мага не получалось разобрать. Картинка развеялась.

Серебряные змейки в ушах внимательно смотрели на гостя, как и их хозяйка. Мужчина хмыкнул.

– Волнение. Беспокойство. Влечение. И еще что-то терпкое, проскальзывающее между этим всем.

– Все верно. Последнее – злость, – подтвердила Полинария, садясь в широкое кресло и аккуратно закидывая ногу на ногу.

Синий задумался. Злость? Откуда? Снаружи это не заметно. Значит, хорошо себя контролирует. Лучше, чем можно подумать, принимая во внимание ее юный возраст. Что, в свою очередь, означает скрытую опасность. На что она может злиться? На окружающих? Вряд ли. На наставника? Точно нет. На ту игру, которую затеяли маги? Хм, сомнительно, она ничего в этом не понимает. Не ясно.

Блаас сделал очередной глоток. Фрукты и... Что-то сладкое. Но что? Высокая кислотность мешала распознать. Он улыбнулся. Ему начинал нравиться этот день. Раздумывать одновременно о нескольких расследованиях: куда пропадают люди, что не так с ученицей Гинса и что за тайный аромат скрывается от него в бокале. Последнее – наиболее животрепещущее. Неплохая разминка для начала продуктивного дня. Появилось чувство собранности.

– Чем ты так доволен, Альваро? – напомнил ему о себе бархатный голос.

– Мои заморочки, не обращай внимания, – ответил он – Про злость не ясно. У тебя получилось потянуть за эту ни-

точку?

Женщина слегка нахмурилась. Красные длинные ногти принялись постукивать по мягкой обивке. Она всегда так делала, когда подбирала правильные слова.

– Не совсем, но кое-что сказать могу. Еще вчера я обратила внимание на эти вспышки злости, но сразу не смогла определить, что это именно она. Потом, прокручивая раз за разом нашу встречу, смогла разобраться. Как ты правильно сказал, она терпкая, но скажу больше: это терпкость с примесью горечи, плавных линий и темно-красного цвета. В этом просто поверь мне на слово, я так чувствую, – среагировала Полинария, предвосхищая вопрос собеседника и не желая углубляться в теорию, после чего продолжила: – Добавим к этому мой опыт. У юных девочек злость обычно проявляется вспышками с узким охватом, не смешиваясь с другими эмоциями. В нашем же случае она объемная и охватывает весь спектр ощущений целиком. В каждом отклике настроения есть ее щепотка. Где-то больше, где-то меньше, но в каждом. Она как созревший плод. Понимаешь?

Серебро в глазах женщины, направленных на гостя, сверкало. Ей было интересно. Это был вызов ее способностям. Блаас знал, что она чувствует. То же самое, что и он пару минут назад.

– У тебя свои заморочки, – ответил он. Полинария задумалась. Поняла. Изящно откинулась на спинку кресла, и легкий смех звонкими колокольчиками заструился по комнате.

Мужчина улыбнулся краешком губ.

– Умеешь ты подобрать нужные слова. – Еще одна улыбка гостя на ее слова. – Так ты понимаешь, к чему я веду?

– Понимаю. Ты говоришь про взрослую созревшую эмоцию, пропитавшую собой сознание. Не злость, а злобу.

– Именно. Черта не слишком подходящая для юной кокетки. Надо будет за ней приглядывать.

Блаас кивнул. Очередной глоток. Погода стояла жаркая, и за время их беседы вино начало терять свой прохладный шлейф. На первый план понемногу выходила крепость. Нотки аромата стали более ярко выраженными, более грубыми. Тайный ингредиент стал четче. Ягода. Но какая?

Раздался легкий хрустальный звон. Хозяйка дома, продолжая держать в руке бокал, осторожно стукнула по нему безымянным пальцем. Серебряное кольцо, надетое на него, соприкоснувшись со стенкой, вывело Блааса из его мыслей. В этом тонком привлечении внимания была вся госпожа Андешон.

– Тебя что-то еще тревожит или мы можем приступить к вопросам, которых коснулись вчера? – Блаас решил перейти к сути. У него на сегодня были еще дела.

– Можем, – кивнула женщина. – Как раз логическое продолжение темы – это мальчик Фрей. Давай начнем с него.

– Что именно ты хочешь про него знать?

– Я не знаю, – улыбнулась Полинария. – Это ты мне скажи, о чем ты вчера умолчал?

Блаас, продолжавший стоять у окна, понял, что начинается самое интересное. Прелюдия, пусть и очень полезная, закончилась.

– Дорогая, – сказал он, – начни ты первая. Чем он тебе так интересен?

– Хочешь поиграть в эти междоусобные клановые распри? – Глаза собеседницы нехорошо сверкнули. – Не со мной, Альваро.

Ее тон был твердый. При такой внешней женственности еще иметь и такой твердый характер. Поразительно. Как бы то ни было, границу дозволенного Блаас в этом разговоре чувствовал прекрасно.

– Знаю, даже мысли не было. У нас свои отношения, у клана – свои. Мне и вправду просто любопытно.

Хозяйка хмыкнула. Она очень хорошо знала гостя.

Синий хотел пригубить напиток, но оказалось, что его бокал пуст. Бездна. Когда он успел его осушить? Когда маг по эмоциям приоткрыл завесу своего мастерства? Да, именно тогда. Было интересно. Теперь придется постигать непостижимую тайну заветного вкуса заново. Но теперь было понятно, в какую сторону копать. Справится. Пришлось заново наполнить оба бокала из холодной бутылки.

Перед тем, как вернуться к местечку у окна, которое ему нравилось и которое он не покидал весь разговор, Блаас приблизился к своей собеседнице и протянул ей руку. Сейчас был не тот разговор, который позволял бы говорить громко

через всю комнату. Полинария мягко улыбнулась и вложила свои тонкие пальцы в его ладонь. Мужчина прошел к окну, продолжая держать ее руку в своей. Прелестно.

– Я всегда знала, что в высшем свете ты будешь чувствовать себя как рыба в воде.

– Как и ты, дорогая, – парировал мужчина и серьезно продолжил, внимательно смотря в глаза собеседницы: – Отвечая на твой вопрос: Фрея кто-то учит. Как и Лис.

– Неприятно, но такое вполне возможно. В клане каждый сам за себя.

– Они стали значительно сильнее и опытнее, – гнул свою линию маг.

– Возможно, кто-то из магистров, стало чуть сложнее, – спокойно отреагировала женщина.

– Фрей умеет воплощать ментальный клинок. Лис может призывать материальные души.

Эти два заявления упали в разговоре тяжелым камнем. Полинария изумленно уставилась в глаза человека рядом, пытаясь понять, шутит он или нет. Не шутит. Она слышала про оба этих забытых заклинания. Блаас же и поделился с ней этим много лет назад, вычитав в каком-то старом фолианте. Древние забытые возможности Синей и Белой магии. Женщина не глядя аккуратно поставила свой бокал, продолжая молчать и переваривать услышанное.

Синий сделал глоток. Чудное вино. Оно стало еще интереснее. Теперь, зная, что искать, он сразу распознал неуло-

вимый вкусовой шлейф. Сладкий. Ягода. Виноград? Нет, но очень похоже.

– Опасно, – наконец произнесла женщина. Эмоции в ней пульсировали, но она не давала им волю. – Кто-то из наших смог обрести такие знания. И мало того – вступить в союз с кем-то из Белых. Мальчик с девочкой, как я поняла со слов Старухи и твоих, никогда не расстаются. Поэтому вариант, что некий Синий и Белый не заодно и обучают их отдельно, можно исключить. Из последних вполне может быть Гинс, но мы мало знаем, что у него в клане там творится, а вот из наших... это Валхейм.

– И почему же ты так решила?

Полиария недоуменно посмотрела на него.

– А кто? – спросила она. – У нас магистров раз-два и обчелся. И те либо старые, либо неопытные. Нас с тобой в расчет я не беру. А вот Главный – другое дело. Ему хватит и опыта, и знаний, и хитрости. Бездна.

Воцарилось молчание. Полиария хмурилась и размышляла. Блаас этот логический путь уже успел пройти, так что теперь спокойно давал собеседнице самой пробраться через те же дебри. Он продолжал свои поиски на дне бокала.

– Еще один пункт, – пробормотала женщина, возвращаясь к беседе. – Ну что ж, могу тебя удивить. У меня есть предположение, что мальчик Фрей еще до своего заключения связался с этим старым прохвостом.

Блаас кивнул, показывая, что весь внимание.

– В тот день, когда я проверяла его семь лет назад, в нем плескались эмоции двух людей.

Настала очередь удивляться Альваро. Да ладно? Не может быть! При живом наставнике произвести еще одну ментальную привязку. К тому же от этого старого бездаря! Да когда они только успели? Появилось детское чувство обиды за обман, за преданное доверие. Он этого юнца поднял с самых низов улицы. Дал кров и знания. Сделал из него человека, можно сказать... Обида плавно, но быстро перетекла в злость. Но Блаас не был бы собой, если бы дал чувствам взять верх. Это была холодная отстранённая злость. Он смотрел на нее, крутил и вертел с разных сторон. Полезная эмоция. Еще настанет ее время. У него достаточно забот и планов, чтобы не суетиться и не ломать все необдуманно действами. Еще один глоток. Он почти узнал заветный вкус. Еще немного.

– Возможно, ты права, такому быстро не научишь. Засранцы, – сказал он, улыбаясь и качая головой. – Красиво провернули.

Полиария хорошо чувствовала эмоции этого человека. Она знала его много лет, да к тому же он и не сильно скрывал их. Он правда оценил эту махинацию.

– Итак, Валхейм, – закольцевала разговор хозяйка дома, повторяя фразу из начала беседы, которая сложилась более чем удачно и логично подвела к ее предложению. – Его надо убрать.

– Нет, – быстро среагировал Блаас. Спокойно. Взвешенно. Он был готов к этому предложению еще задолго до его формирования в этой прекрасной голове.

Красные ногти крепко впились ему в плечо. Удержали от любых попыток избежать этой темы. Глаза напротив не отпускали его.

– Ты слышишь, что ты сам говоришь, Альваро? – с напором произнесла женщина. – Он подмял твоего ученика прямо у тебя под носом и научил его тому, что мы сами не в состоянии постичь. В свете наших предположений он видится еще более опасным, чем мы раньше думали. Да и, в конце концов, он просто помеха. Тормозит наше продвижение. Ты видишь, чего мы достигли без него и во многом против его доводов? Наше влияние на императора и почти открытые вооруженные походы упрочили наше положение. Еще немного, и мы выйдем из тени, окружающей нас долгие века. Получим то, чего заслуживаем, в то время как он может помешать нам в этом.

Блаас решил привести разумный и абсолютно логичный довод:

– Отсутствие Валхейма ослабит наши позиции. Как в отношениях с Белым кланом, так и в целом.

– Не ослабит. – Полинария не сбавляла напор. – Гинс и его прихвостни вне поля зрения дворца. Там прислушиваются только к нам. С ними же что-нибудь придумаем.

Воцарилось молчание. Полинария говорила более чем се-

рздно. Хватка ее ослабла, но рука все еще продолжала оставаться на плече. Да уж... Крепко она вцепилась в возможность стоять у руководства всей Империи. Впрочем, как и все остальные. В перспективе это может стать проблемой. Как бы то ни было, он был доволен встречей. Было интересно, и теперь можно смело приписывать авторство убийства Валхейма госпоже Андешон. У него самого слишком явные мотивы, очень уж долго он создавал ему противовес в клане, а мало ли как дальше сложится жизнь.

Синий сделал глоток. Поймал за хвост ускользающую нотку букета. Была в ней все-таки некая изюминка... Он мысленно рассмеялся. Вот оно! Изюм. Гениально.

Наконец он нарушил тишину:

– Высокая кислотность, фрукты и изюм. Очень неплохо – Поймал слегка недоумевающий взгляд прекрасной собеседницы и обратился к ней так, как давно уже не делал: – Я согласен, сестра. И вот как мы решим эту проблему...

Блаас глубоко втянул носом утреннюю свежесть. Скоро он будет во дворце. Хорошо, что на улице пусто и экипаж движется по городу быстро. Никто не мешает как следует подумать. К тому же это приближает тот момент, когда он с облегчением сможет покинуть эту коробочку на колесах. Стоило потянуть за ниточку первой проблемы, которая именовалось «Валхейм», и сразу всплыли все остальные, озвученные в той беседе с сестрой.

Пропажи людей.

Пропажи Синих магов.

Разочарование своим учеником.

Какие-то непонятки с девчонкой Гинса.

Туда же можно отнести неожиданную новость о найденном теле дочери графини Винской. Дура дурой, но все равно жалко.

Полиария еще куда-то запропастилась. Конечно, он знал, по какой причине она покинула город. По их общим делам. Претворять в жизнь его скромный и гениальный план по решению самой первой проблемы. Не самой важной, просто первой в списке. И кстати, ускакала она, как все нормальные люди. Верхом! Счастливица. Однако что-то долго ее нет.

И вишенкой на торте этого сложного десерта стал итог его путешествия. Вырезанная десятка имперских гвардейцев в полностью сожженной деревеньке. Как это произошло? Что случилось? Ни свидетелей, ни остаточной магии. Точнее, никакой понятной остаточной магии. Некий магический след имелся, но там была столько всего намешено, что пока никакая вразумительная картинка не складывалась.

Все это вместе... раздражало.

Карета остановилась прямо у запасного входа дворца. Это приятное событие знаменовал еле заметный толчок. Блаас выдохнул. Наконец-то. Он энергично выскочил из экипажа прямо на двух сторожей. А как еще назвать двух бедо-

лаг-стражников, которые не пойми зачем здесь обязаны стоять круглыми сутками? Не сбавляя темпа, маг быстро и уверенно прошел между ними и сам толкнул парадные двери. Его не остановили, даже слова не сказали. В чем причина? Не успели, не решились или все же узнали? Не важно.

Синий быстро шел по коридору первого этажа, не обращая внимания на красоту помещений. Все очень мило, приятно. Говорят, внутренний антураж дворца не менялся столетиями, что свидетельствует о хорошем чувстве вкуса предыдущих поколений. Тончайшие занавеси, диковинные растения, уютная мебель. Все это закрывал хоровод мыслей в голове и возбужденное состояние. Далеко пройти не получилось. Навстречу из бокового коридора вышли два молодых человека, непонятно что тут делавшие в такую рань. Как не вовремя.

– Так это же господин Блаас, мой друг, – произнес один из них притворно удивленным голосом. – Еле вас узнал в таком запыленном и помятом костюме.

Иронию в голосе никто и не пытался скрывать. Это был один из сыновей Вэлиса – министра торговли. Одет с иголочки по последней моде. В руках небольшая трость – намек на солидность. Средней длины волосы искусственно завиты. Щегол. Наглый. Второй такой же.

– Да вы что? – осклабился Синий маг. Раздражение только усилилось.

– Именно так, господин. Подумали, бедняк пробрался в

святая святых империи... – и, специально выдержав паузу, закончил: – А это все-таки вы, мой друг.

Вот она, подноготная сторона светской жизни. Развращенные родительскими деньгами глупцы. Стоит ли такое терпеть?

Блаас действовал стремительно. Быстрый шаг вперед для уменьшения дистанции. Резко выхватить из-за пазухи короткий кинжал. Не останавливая движение, всадить острое лезвие прямо в сердце человеку слева. Тот еще не успевает ничего не понять, а клинок уже покидает его тело и на обратном движении рассекает горло человеку справа. У того широкие от ужаса глаза. Открывающийся в немом крике рот. Ноги перестают его держать, и человек падает на колени, чувствуя онемение по всему телу.

– Что-то не так... мой друг? – спросил Блаас этого выскочки.

Было приятно смотреть на ошарашенного сыночка Вэлиса, этого спесивого юнца, который только что был свидетелем собственного падения. В прямом и переносном смысле. За свои слова необходимо отвечать, и Синий маг, молниеносно пробив сознание, продемонстрировал возможные последствия, если этого не делать. Может, научиться уму-разуму. Беспокоившее мужчину раздражение слегка утихло. Как все-таки вовремя произошла эта встреча.

Молодой человек немного пришел в себя и залепетал что-то виновато. Синий маг его уже не слушал, пошел дальше.

Мужчина поднялся на верхний этаж. У первой же двери стоял очередной привратник, который отработанным ловким движением снял с проходившего плащ. Блаас едва обратил на это внимание. Пройдя длинный коридор, он вошел в большое помещение и остановился. Малый тронный зал. Если остальные внутренние комнаты и залы являли собой образец хорошего вкуса, то это место было полной им противоположностью. Аляповатая позолота. Грубая мраморная отделка пола. Тяжелые бордовые гобелены на стенах. Отсутствие естественного освещения – ни одного окна. Свет давали только чадающие во множестве факелы, но этого все равно было недостаточно. Ни мебели, ни украшений. Ничего. Пустое помещение. За исключением одного. Пустой трон, вокруг которого стояли четыре зажжённых факела на подставках. Блики огня играли на его золотых подлокотниках. Языки пламени отражались от золоченой спинки. Величественно. Еще более величественно, если бы на нем сидел сам император.

Блаас неспешно пошел вперед. Его шаги гулким эхом раздавались по всему залу. Здесь нечему было глушить звуки: ни ковров, ни портьер. Любой шепот сразу становился достоянием всех присутствующих. Голос Его Величества был слышен всем. Маг приближался к трону, не спуская с него глаз. Только самым уважаемым людям империи был разрешен сюда вход. И теперь он сам оказался здесь. Допуск в этот зал открывал безграничные возможности для тех, кто умел ими

воспользоваться. И на острие этих возможностей он. Блаас торжествовал, однако на его лице не дрогнул ни один мускул.

Символ власти мерцал отражениями пляшущих языков пламени. Чем ближе, тем ярче. Насыщеннее. Сочнее. Блаас остановился в паре ярдов и медленно поклонился. Признавая его величие. И проявляя внешнюю покорность, не исключая вероятности того, что за ним могли следить. Выпрямился. Ну ладно, полюбовались и хватит. Предстоит серьезный разговор. Ему в ту маленькую правую дверь за тронном.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.